

Кирилл
ЛАВРОВ,
народный артист СССР

ЛЕНИНСКОЙ МЫСЛЮ

Вернемся на десять лет назад. В 1969 году Ленинградский академический Большой драматический театр им. М. Горького начал репетиции пьесы «Защитник Ульянов». Спектакль посвящался 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Образ молодого помощника присяжного поверенного в Самаре Владимира Ульянова было поручено воплотить К. Лаврову.

Первая встреча актера с образом Ленина... Первая ли?

Лавров: Первая в том смысле, что мне эту задачу предстояло решать самому. Очень живы были в памяти фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек с ружьем», где гениально играли Б. Щукин и М. Штраух, спектакли, в которых образ Ленина создавал замечательный артист В. Честноков. И если говорить о первой встрече, то это были, конечно, названные и неназванные мной фильмы и спектакли. Ведь картинам М. Ромма и С. Юткевича уже более 40 лет. Но каждый раз — и здесь моя благодарность нашему телевидению, которое время от времени дарит нам эти ленты, — воспринимаешь их и как праздник, и как экзамен на свою творческую, гражданскую состоятельность. Так что «первая встреча» — в тех фильмах и спектаклях. Спектакли, к сожалению, ушли и почти не зафиксированы, но фильмы жи-

вы. В них — основа животворных традиций нашей Ленинианы. Продолжить их — дело последующих поколений советских художников.

В своей книге «Разгадка поэзией» С. Юткевич предъявляет одно обязательное требование к художнику, решившемуся на воплощение ленинского образа: удостовериться в своей способности быть самостоятельным по отношению к предшественникам. Стоит лишь чуть-чуть поддаться инерции мышления, как сами собой возникают узнаваемые цитаты, появляются копии сыгранного другими. И вся работа не поднимется выше стереотипов зрительской памяти. С таким явлением мы, к сожалению, встречались не раз и в кинематографии, и в театре. С. Юткевич видит путь к образу Ленина, который убедителен «в непрерывном действии, в общении с людьми, со средой», в свежести, непосредственности взгляда художника. Необходимо стремиться не к «похожести», а к образному сходству, добиваясь той проникновенности, которая помогает нам как бы заново узнавать человека.

В работе над «Защитником Ульяновым» К. Лаврову, пожалуй, было легче, чем при съемках фильма «Доверие». Театр обратился к такому периоду жизни В. И. Ленина, который практически никак не был затронут в предыдущих произведениях

сценической и кинематографической Ленинианы.

Лавров: При первой личной неопосредованной встрече с образом Ленина меня поразила зрелость мышления этого совсем еще молодого человека — ведь было ему 23 года, когда он выехал из Самары в Петербург. А через два года он объединяет разрозненные революционные кружки, действовавшие в Петербурге, в Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Готовясь к работе, вновь и вновь я перечитывал ленинские статьи тех лет, поражаюсь глобальности мышления, эрудиции моего будущего героя, тому, как из массы фактов умел он выделить главное и дать ясный анализ того или иного политического или экономического вопроса. Какими же качествами должен был обладать этот человек, недавний юноша, чтобы совершить то, что совершил Ленин? Как он сумел в короткий срок привлечь, объединить столько людей, повести их за собой? Постигнуть невероятный масштаб интеллектуальной деятельности Владимира Ильича, Владимира Ульянова было и продолжает оставаться важнейшей для меня задачей.

Постижение ленинского образа, ленинской мысли, ленинских идей для Лаврова началось не вдруг, не с роли в «Защитнике Ульянове». Где искать начало этого постижения? В жизненной творческой биографии актера. И, конечно

же, задолго до того, как артисту довелось встретиться с образом Ленина. В спектакле «Правду! Ничего, кроме правды!» Лавров играл персонаж «от театра». Он не вмешивался в происходящее — сменявшие друг друга драматические, то абсурдные события. Он их, на первый взгляд, только комментировал. Но ведь и комментарий комментарию рознь. Публицистическая, гражданственная страстность и едкая ирония по отношению к американскому сенату, учинившему суд над Великим Октябрем, сочетались у Лаврова с мудрой гуманностью, рожденной жизненным опытом самого артиста, его раздумьями над историей Советского государства, над путями развития демократической и социалистической мысли. В комментариях «от театра» было зримое отражение ленинских идей, ленинских мыслей о революции, о государстве. Комментарий-раздумья актера становились частичкой наших мыслей, воспоминаний, чувств.

Лавров: В «Правде» мой герой — сам я. Останавливал действие, вел безответный, в общем-то, диалог с сенаторами, а в целом это был, если так можно сказать, суд над судом. Я, человек, гражданин, коммунист Лавров, поднимаясь на сцену из зрительного зала, говорил от его имени.

...Прошли годы, и вновь из

зала на сцену поднимается К. Лавров. Точнее, его герой Евгений Владимирович Тулулов в спектакле «Три мешка сорной пшеницы». Он встречается со своей молодостью — в прямом, не переносном смысле: Женьку Тулулова играет Юрий Демич. Когда в разговорах о спектакле Лавров говорит «мой Женька» — это закономерно: в спектакле явственна не только кровная связь героев, но и духовная их неразрывность.

Верная поговорка — не хлебом единым жив человек. Тулулов-старший, глубоко познавший цену того военного Хлеба — трех мешков сорной пшеницы, открывший неизбывные нравственные ценности своего народа, продолжает сегодня ту борьбу за эти ценности и за этот хлеб, которую вел двадцатипятилетний Давыдов.

Судьба распорядилась так, что шолоховского героя Лаврову довелось играть недолго, а запал он в сердце навсегда. Осталась какая-то неудовлетворенность сделанным, недоигранность что ли, недосказанность. Оттого вновь и вновь возвращается артист к Давыдову, играя сцены из «Поднятой целины» на творческих своих вечерах, читая главы романа на радио.

Спектакли «Поднятая целина» и «...Правду! Ничего, кроме правды!» были поставлены Георгием Александров-

Сов. кинемат. г. Москва / июль 1980

О ЗАРЕНО

вичем Товстоноговым раньше, чем Лавров впервые сыграл «Защитника Ульянова», но освоение, постижение ленинской темы началось уже тогда.

А в кинематографической диалогии по романам К. Симонова мы встретились с Синцовым — Лавровым. В фильме «Укрощение огня» артист создал образ генерального конструктора космических кораблей Башкирцева.

Лавров: В Синцове, Башкирцеве, как и в сыгранных ранее на сцене Платонове из «Океана» А. Штейна, Сергее из «Иркутской истории» А. Арбузова, я искал путь к герою активной социальной позиции, гражданину, аккумулятившему общественный нравственный опыт современности.

Мы узнаем в Синцове своих старших братьев и отцов, проходим с ним дорогами войны. Видим в Башкирцеве продолжателя дела, во имя которого трудились Полежаев и Дронов, созданные Н. Черкасовым. Лавров здесь принял эстафету того неустанный творческого поиска, что был присущ великому коллеге, его герою.

И выпало на его долю принять еще одну эстафету — от Б. Щукина и М. Штрауха: в фильме «Доверие» Лавров создал образ Владимира Ильича Ленина. С лавровской трактовкой образа соглашались все. Со временем упреки забылись, а ак-

терское создание осталось. Еще раз просматривая фильм, убеждаешься в том, что актер одержал победу. Она не стала бы, наверное, столь полной, не будь работы над образом Владимира Ульянова в упоминавшемся уже спектакле.

Лавров: Фильм «Доверие» — лишь об одном дне жизни молодого Советского государства. День этот — 31 декабря 1917 года, когда Страна Советов представила независимость Финляндии. Предстояло создать образ руководителя первого в мире социалистического государства. Прежде всего меня увлекло движение ленинской мысли, пульсирующей, беспокойной. Я должен был донести, материализовать ее не только в словах, спорах с Розой Люксембург, Пятаковым, Рахеей, но во всех решительных действиях, поступках, во взгляде своего героя.

Прямых аналогов тому, что предстояло совершить Ленину, в истории не было. Он шел первым. Нам с режиссером В. Трегубовичем хотелось в первую очередь не столько даже добиться внешнего сходства с Лениным, сколько постичь процесс рождения ленинской мысли. Мы считали, что только так и можно как бы приоткрыть внутренний мир гениального человека. Почувствовать суть характера Владимира Ильича, раскрыть индивидуальность его — это было

для меня основной целью. Вместе с этим вставала задача отказа от привычных уже решений образа. Личность Ленина столь необъятна и интересна для художника, что использование уже найденных когда-то приемов кажется сужающим возможности постижения образа.

Вспоминая сегодня работу над фильмом, могу признать, что она была мучительно трудной, пока я окончательно не решил для себя, что надо играть Человека, избегая всякой «монументальности». Владимир Ильич был гениальным политическим, государственным деятелем и всегда во всех ситуациях оставался «самым человеческим человеком». Вся жизнь, вся работа Ленина была посвящена людям, отдана им. Потому так дорог он памяти нашей, потому останется в ней навсегда.

Вновь и вновь наши художники будут обращаться к великому образу, ибо он неисчерпаем. Можно добиваться точного портретного сходства, можно, как показывает практика последних лет, вообще отказаться от грима, от «похожести», не в этом, наверное, суть. Да, истоки нашей сегодняшней работы над образом Владимира Ильича, безусловно, в создании Щукина и Штрауха, в том энергичном и плодотворном поиске, который привел их к раскрытию индивидуальности образа, личности Ленина. И все же убежден, и в этом убеждении я категоричен, что нельзя сегодня играть «под Щукина» и «под Штрауха». Попытки подражать им, а таковых было немало, никогда не приводили к успеху. Я думаю, что будь ве-

ликие мастера живы сегодня, то не стали бы повторять достигнутое ими, искали бы новые пути. Фильм «Ленин в Польше» тому пример.

В «Доверии» мне хотелось сказать, как я понимаю этот образ сейчас, в канун восьмидесятих годов.

И уже как бы сквозь призму ленинского образа играю сегодня секретаря парткома Соломахи.

Два часа с небольшим длится заседание парткома строительного треста в спектакле «Протокол одного заседания» по пьесе А. Гельмана. Медленно движется в это время сценический круг. Приглядываясь, уточняя, уясняя себе позиции участников конфликта (бригада Потапова отказалась от премии), Сломахин — Лавров вслушивается, вдумывается в слова каждого персонажа, анализирует их и начинает действовать.

Герой Лаврова живут, «сверяя свою жизнь по Ленину», так жили, так действовали Платонов и Башкирцев, Сергей Сергеевич и Семен Давыдов. Они могли не цитировать работ Владимира Ильича, но вся их жизнь, все их поступки как бы пронизывались ленинской принципиальностью, бескомпромиссностью, твердостью, добротой...

Лавров, человек по природе своей независимый, позабывал как-то Юрию Демичу, которому довелось сыграть Лёню Шиндина в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся».

Лавров: Шиндин не «моди-

фикация» современного героя. Для меня это новый герой, мой современник. Леня Шиндин является именно таким деятелем. А Гельман представил нам, по глубокому моему убеждению, новый тип героя. Встреча с таким — это всегда событие.

Я не случайно заговорил о «...Нижеподписавшихся», потому что, играя современников, как, разумеется, и в классических тьесах, недостаточно провести границу между добром и злом, помочь зрителю отличить хорошее от плохого. Сверхзадача в том, чтобы сообщить ему, передать теми невидимыми токами, что возникают между сценой и залом, дух революционной наступательности, заставить сравнивать и анализировать, любить и ненавидеть, утверждать в нем беззаветную преданность нашему обществу.

...Впереди у Лаврова новая встреча с образом Ленина: к 110-летию со дня рождения В. И. Ленина Большой драматический театр готовит спектакль-композицию по произведениям, посвященным Ленину. Задача новая, необычная и для театра, и для актера, которому предстоит воплотить образ Ленина не в одной из ставших классическими пьес, а в композиции, включающей в себя сцены из «Человека с ружьем», «Кремлевских курантов», «Третьей патетической»...

Постижение ленинского образа продолжается.

М. АЛЕКСАНДРОВ.
ЛЕНИНГРАД.